

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ

В.И. Бартнев*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ СВЯЗКИ «БЕЗОПАСНОСТЬ — РАЗВИТИЕ» НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВ-ДОНОРОВ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных изучению теоретико-методологических аспектов связки «безопасность — развитие». В работе сформулированы принципы нового методического подхода, основанного на применении инструментария контент-анализа к распознаванию «связки» в официальном дискурсе ведущих государств-доноров и к отслеживанию нюансов в ее наполнении конкретным политическим содержанием. Новизна разработанной методики состоит в соотношении единиц кодирования (ключевых слов) с ведомственной принадлежностью документа. В статье обоснована принципиальная возможность изучения «связки» с помощью идентификации ее вторичных признаков. Автор предлагает оценивать степень проникновения терминов, «чуждых» традиционалистским трактовкам понятий «безопасность» и «развитие», в документы, составляемые соответственно министерствами обороны и высшими органами управления вооруженными силами государств-доноров - и агентствами содействия международному развитию. Дополнительно оцениваются масштабы абсорбции лексем, априорно определенных в качестве специфичных для парадигмы «связки» в документах, разрабатываемых на общеправительственном уровне и отдельными органами государственной власти — самостоятельно или совместно с другими структурами.

Предложенная методика, с одной стороны, позволяет в полной мере отразить дуалистичную природу «связки», двунаправленный характер составляющих ее взаимосвязей, а с другой - более объективно сравнить

* *Бартнев Владимир Игоревич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Центра проблем безопасности и развития при ФМП МГУ (e-mail: vladimir.bartnev@fmp.msu.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066).

готовность различных ведомств к холистическому восприятию своей функциональной деятельности. Автор приходит к выводу, что потенциал применения методики контент-анализа к изучению связки «безопасность — развитие» может возрасти многократно при условии дополнения тематического анализа установлением семантических связей между отдельными единицами текста официальных документов, а также дополнения количественных методов исследования качественными.

Ключевые слова: безопасность, развитие, связка «безопасность — развитие», государства-доноры, содействие международному развитию, стратегическое планирование, контент-анализ.

В прошлом году на страницах журнала «Международные процессы» автор представил первые результаты исследования проблем концептуализации связки «безопасность — развитие» [Бартенев, 2015]. Анализ весьма значительного массива зарубежной научной литературы, в первую очередь трудов 2000-х и 2010-х годов, позволил прийти к вполне однозначному выводу, что, несмотря на содержательную неопределенность, «связка» конструирует и изменяет международную реальность и уже хотя бы поэтому должна восприниматься политологами всерьез. В той же статье был обозначен ряд перспективных, основанных на применении контексто-ориентированного подхода направлений в исследовании данного понятия, в том числе изучение дискурса на внутригосударственном уровне, сопоставление взглядов различных министерств и ведомств на проблемы, лежащие на стыке безопасности и развития. Высказано предположение, что решению данных задач будет способствовать использование метода количественного контент-анализа, традиционного для исследования политической сферы и предполагающего перевод изучаемой информации в числовые показатели и ее соответствующую статистическую обработку. В настоящей статье автор развивает высказанную ранее гипотезу.

Непосредственная цель проведенного исследования — сформулировать основы нового теоретико-методологического подхода к распознаванию связки «безопасность — развитие» в официальной риторике ведущих государств-доноров и к отслеживанию нюансов в ее наполнении конкретным политическим содержанием в официальных документах разного уровня. В первой части статьи будет дан краткий обзор и определены основные достоинства и недостатки зарубежных концептуально-теоретических и методологических установок, авторы которых стремились деконструировать концепт «связки» (в том числе с применением методов количественного контент-анализа). Во второй части будут представлены основные параметры разработанной нами «программы» изучения официального дискурса, направленной на выявление признаков

закрепления в последнем парадигмы «связки», а также сформулированы базовые гипотезы и методологические допущения. Наконец, в третьей части будут определены конкретные единицы анализа (документы), единицы кодирования (ключевые слова) и некоторые специфические особенности проведения тематического и семантического анализа, которые должны быть приняты во внимание при последующей апробации предлагаемой методики в рамках изучения дискурса отдельных государств-доноров.

* * *

В научной литературе «связке» как элементу политического дискурса уделяется достаточно большое внимание. Значительное число исследователей отмечают амбивалентность данного понятия, подчеркивая, что смысл «связки» варьирует в зависимости от субъекта, который ее постулирует [Leboeuf, 2006], преследуемой им цели [Stern, Öjendal, 2010], исторического опыта [Hettne, 2010; Spear, Williams, 2012], уровня, к которому он применяется [Tschirgi, 2006], и референтного объекта [Beall et al., 2006; Duffield, 2010; Gruiters, 2008; Hettne, 2010], включая географическое местонахождение последнего [Spear, Williams, 2012].

Исходя из этого, многие зарубежные ученые предпочитают воспринимать «связку» в качестве концепта, который, с одной стороны, не поддается определению вне контекста, с другой стороны, является своего рода «облаком», где, как в тумане, скрываются мириады различных, порой весьма опосредованно соотносящихся друг с другом семантических единиц и толкований. Например, шведские исследователи М. Стерн и Й. Ойендаль пришли к выводу, что в отсутствие общепринятой интерпретации концептов «безопасность» и «развитие» некоей единой и неделимой связи между определяемыми ими явлениями не существует, а значит, речь должна идти о целой паутине взаимосвязей «между различными идеями, процессами и объектами» [Stern, Öjendal, 2010: 11]. Субстантивным это понятие становится только тогда, когда его наполняют конкретным содержанием те игроки, которые пытаются воплотить «связку» в жизнь на практике [Stern, Öjendal, 2010: 24]. При этом М. Стерн и И. Ойендаль делают оговорку, что число взаимосвязей практически бесконечно, однако обозначают ограниченное количество наиболее распространенных фреймов — толкований искомых понятий, различающихся, среди прочего, тем, *что* выступает в роли референтного объекта безопасности: 1) развитие/безопасность как телеологический нарратив; 2) расширение, углубление и гуманизация развития/безопасности; 3) развитие/безопасность как «тупик»/недостижимая цель; 4) постразвитие/постбезопасность; 5) развитие/безопасность как техника управления;

б) девелопмент/безопасность как элемент глобализации. В соответствии с логикой авторов любому из представленных шести толкований безопасности может соответствовать любая из интерпретаций развития, т.е. существуют по меньшей мере 36 (!) гипотетических «связок» между двумя понятиями.

Идею картирования «связки» развивает и канадский исследователь Ш. Салиба-Кутюр. Он в свою очередь подчеркивает, что амбивалентность «метасвязки» между безопасностью и развитием позволяет «конструировать» многочисленные «субсвязки» для различных проблем, рассматриваемых в качестве составных частей исходных концептов. Ш. Салиба-Кутюр выделяет следующие «субсвязки»: 1) человеческая безопасность и человеческое развитие; 2) субъекты, действующие в сфере безопасности, и акторы, действующие в сфере развития; 3) отставание в развитии, бедность, «нестабильные государства» и терроризм; 4) глобальная безопасность и глобальное развитие; 5) отставание в развитии, бедность и внутренние конфликты; 6) помощь развитию и мир/конфликт. С его точки зрения, каждая «субсвязка» представляет собой одно из преломлений общего взаимовлияния этих двух явлений и в свою очередь также может иметь множество толкований. При этом исследователь признает, что, с одной стороны, предложенный им список интерпретаций нельзя считать исчерпывающим, а с другой — эти трактовки не являются взаимоисключающими [Saliba-Couture, 2012: 60–61].

М. Стерн, Й. Ойендаль, Ш. Салиба-Кутюр и другие авторы, в наибольшей степени сосредоточенные на изучении дискурсивной природы «связки» и картировании ее значений, используют, однако, только *качественные* методы анализа. Идея исследования «связки» с помощью методов контент-анализа пока не получила широкого распространения в научном сообществе. Единственным исключением (если верить результатам поиска по открытым зарубежным базам) являются труды соискателя докторской степени Городского университета Дублина Э. Макконнона, который сформулировал подобную проблему в рамках подготовки диссертации, посвященной изучению координации целей и задач в области безопасности и развития в политике трех крупнейших англосаксонских стран-доноров — США, Великобритании и Канады [McConnon, 2014, 2015]. Ввиду того что объекты исследования в диссертации Э. Макконнона и в настоящей статье фактически идентичны, логика и этика научных изысканий требуют обстоятельного анализа, выявления достоинств и недостатков методологических особенностей подхода ирландского специалиста и соответственно более четкого определения нашей собственной ниши.

В своей методологии Э. Макконнон отталкивается от того, что за последние 30 лет теория развития прошла три *последовательные* фазы, которые он условно называет: «Вашингтонский консенсус», «поствашингтонский консенсус» и «связка “безопасность — развитие”». На основе изучения научной литературы для каждой из этих трех парадигм он выделяет по 6–7 наиболее релевантных ключевых слов, каждое из которых является своего рода «зонтичным» термином, объединяющим целый ряд однокоренных и — в отдельных случаях — синонимичных понятий (табл. 1).

Далее Э. Макконнон сравнивает документы различных министерств и ведомств США, Великобритании и Канады на предмет оценки встречаемости выделенных терминов с целью определить соотношение трех указанных нарративов. Для этого — а также для минимизации искажений, связанных с различиями в объемах документов, — рассчитываются доли каждого термина в общем числе упоминаний приведенных 19 ключевых слов в отобранных документах. По результатам исследования ученый приходит к чрезвычайно любопытному выводу: если структуры, ответственные за проведение политики в области содействия международному развитию (СМР), восприняли императивы обеспечения безопасности, то в политике безопасности девелопменталистские императивы так и не нашли должного отражения [McConnon, 2015: 82].

Подход Э. Макконнона, с нашей точки зрения, обладает целым рядом очевидных достоинств. Во-первых, им была предпринята заслуживающая весьма лестных отзывов попытка семантически отграничить дискурс связки «безопасность — развитие» от доминировавших в другие исторические периоды доктринальных представлений. Во-вторых, подход дает возможность проводить удобное сопоставление полученных результатов как между министерствами и ведомствами отдельно взятого государства-донора, так и между различными странами, и представлять итоги в понятных числовом и графическом форматах.

Вместе с тем методике Э. Макконнона присущ и целый ряд весьма существенных недостатков. Во-первых, связка «безопасность — развитие» изначально воспринимается ирландским автором исключительно в контексте эволюции дискурса в области СМР и хронологически относится к периоду после террористических актов 11 сентября 2001 г. Между тем многие исследователи [Back to the roots, 2012; Sedra, 2015] справедливо указывали на процесс «девелопментализации безопасности» в 1990-е годы, обусловленный достаточно существенным изменением как теории и практики обеспечения безопасности, так и функций, выполняемых вооружен-

ными силами в рамках «комплексных операций». Э. Макконнону процесс эволюции представлений о безопасности, по сути, интересен только в качестве отклика на доктринальные изменения, происходившие в рамках теории СМР. Такой редукционизм влечет за собой, с нашей точки зрения, искажение дуалистичной природы «связки».

Таблица 1

Ключевые слова, отобранные Э. Макконноном для изучения официальных документов США, Великобритании и Канады с помощью контент-анализа

Нарратив	Ключевые слова
«Вашингтонский консенсус»	Либерализация
	Дерегуляция
	Приватизация
	Частный сектор
	Рынок
	Базовые нужды
«Поствашингтонский консенсус»	Бедность
	Институты
	Управление
	Неравенство
	Права человека
	Гражданское общество
«Связка “безопасность — развитие”»	Безопасность
	Человеческая безопасность (human security)
	Конфликт
	Терроризм
	«Несостоявшиеся государства» (failed states)
	Стабильность
	Радикализм

Во-вторых, определенные сомнения вызывает список ключевых слов, выбранных Э. Макконноном для каждого из предложенных им трех нарративов. Так, совершенно неясно, почему «бедность» исключена из нарратива «связки», притом что одним из тезисов, получивших широкое распространение в официальном дискурсе сначала США, а затем и многих других государств-доноров и международных организаций после терактов 11 сентября 2001 г., было утверждение (не совсем справедливое), что бедность служит одной из причин терроризма¹. Сложно объяснить и осознанное разведение Э. Макконноном терминов «институты» и «несостоявшиеся/нестабильные государства» по разным нарративам вопреки тому, что ключевой характеристикой «несостоявшихся государств» (по крайней мере, на первом этапе развития дискурса о государственной несостоятельности — до 2007–2008 гг.)² как раз назывались слабость и дисфункциональность государственных институтов [Rotberg, 2002, 2003; Patrick, 2006]. Подобные недочеты в определении единиц кодирования в конечном счете ведут к тому, что результаты квантификации искажают действительность, и на основании их интерпретации делаются не совсем правомерные выводы.

В-третьих, aberrации выглядят особенно явными при анализе Э. Макконноном дискурса министерств и ведомств, не имеющих отношения к СМР. Приписывать наличие слов «безопасность» или «конфликт» нарративу «связки» в документах министерств обороны или министерств иностранных дел, мягко говоря, неправильно, поскольку эти лексемы в официальных бумагах соответствующих ведомств занимали центральное место *всегда* — совершенно независимо от того, какой нарратив доминировал в это время в девелопменталистике, притом что с развитием последней данные структуры в течение многих десятилетий вообще никак не соотносили свои действия.

Обозначенные недостатки указывают на необходимость внесения существенных корректив в методологию применения контент-анализа к исследованию дискурса «связки». Общие контуры альтернативного подхода и соответствующей программы исследований будут очерчены в следующем разделе статьи.

¹ 22 марта 2002 г., выступая на Международной конференции ООН по финансированию развития в Монтеррее, Дж. Буш-мл., в частности, использовал следующую формулу: «Мы боремся с бедностью, потому что надежда является ответом терроризму». См.: President Bush's speech at the United Nations Financing for Development Conference in Monterrey, Mexico. 22 March 2002. Available at: http://www.pbs.org/newshour/updates/march02/bush_3-22.html (accessed: 24.06.2016).

² Подробнее об этих этапах см.: [Pospisil, Kühn, 2016].

В целом анализ официальных документов государств-доноров может позволить решить две важные — с точки зрения исследования сущности «связки» - задачи. Первая — отслеживание процесса закрепления парадигмы связки «безопасность — развитие» в официальном дискурсе, вторая — выявление нюансов в наполнении «связки» конкретным политическим содержанием, в смещении акцентов на те или иные компоненты данной многоаспектной проблематики, которая, по сути, охватывает значительную часть дискуссионного поля современных международных отношений. Вторая задача представляется методологически значительно более сложной, но это впечатление обманчиво. В действительности в обоих случаях одинаково важно понять, какой смысл мы (как исследователи) будем вкладывать в связку «безопасность — развитие» и соответственно что считать ее дискурсивными проявлениями. Сформулировать четкие ответы на эти вопросы крайне нелегко ввиду уже отмеченной амбивалентности, многозначности «связки» и ее природы как «гибридного» феномена, составленного из двух понятий, смысл каждого из которых остается предметом ожесточенных дебатов. В этой связи единственный способ решения поставленных задач и инструментализации концепта состоит в том, чтобы ограничить релятивизм посредством формулирования ряда методологических *допущений*.

Мы исходим из того, что отслеживать «связку» можно одновременно по прямым и косвенным признакам.

Прямым признаком, никоим образом не связанным с представлениями субъекта, осуществляющего анализ, могло бы служить присутствие в официальном дискурсе специфических лексем, таких как собственно связка «безопасность — развитие» (*'security-development nexus'*, *'security-development'* или *'link(-age) between security and development'*), а также зеркальных словосочетаний «безопасность и развитие» (*'security and development'*), «развитие и безопасность» (*'development and security'*). Однако результаты обработки достаточно широкого круга документов ведущих государств-доноров, в том числе тех, которые можно считать родоначальниками или безусловными приверженцами «связки» (США, Великобритании, Канады, Германии и др.), в этом плане оказались достаточно обескураживающими. Указанные словосочетания в официальных текстах этих стран либо не упоминались вообще, либо использовались настолько редко, что выявить какую-то динамику в их употреблении не представлялось возможным. Это поставило нас перед необходимостью предложить рабочий вариант отслеживания «связки» по косвенным, «вторичным», признакам.

С одной стороны, допустимо, на наш взгляд, признать факт существования определенных терминов, специфичных именно для дискурса «связки». Речь идет о понятиях, либо практически не используемых **вне** рамок указанного дискурса, либо употребляемых в **иных** значениях. Выявить такие термины можно, например, на основе анализа ряда документов, опубликованных со второй половины 2000-х годов многосторонними организациями, которые играют ключевую роль в формировании повестки СМР и считаются своего рода «манифестами» подхода, основанного на признании неразрывной связи безопасности и развития. К таким документам в первую очередь следует отнести тексты Международной сети по конфликтам и нестабильности (International Network on Conflict and Fragility — INCAF), созданной под эгидой Комитета по содействию развитию ОЭСР (КСР ОЭСР)³, Доклад о мировом развитии Всемирного банка 2011 г. под названием «Конфликты, безопасность и развитие»⁴ и ряд других. Изучение этих источников указывает на важность для соответствующего дискурса девелопменталистского сообщества таких терминов, как «интегральный подход» (*integrated approach*), «общеправительственный подход» (*whole-of-government approach*), «гражданско-военное сотрудничество» (*civil-military cooperation*), «миростроительство» (*peacebuilding*), «постконфликтное восстановление» (*post-conflict reconstruction*), «нестабильные государства»/«нестабильность» (*fragile states/fragility*) и др. С нашей точки зрения, наличие подобных лексем в официальных документах отдельных государств-доноров может квалифицироваться как признак интернализации дискурса «связки».

С другой стороны, представляется допустимым обозначить традиционное (точнее, традиционалистское) понимание каждого из составляющих «связку» терминов («безопасность» и «развитие»), которое было характерно для большей части истории существования двух этих концептов, по крайней мере до окончания «холодной войны».

Так, «безопасность» — понятие, сформировавшееся в определенных исторических условиях после Второй мировой войны, по-

³ Principles for good international engagement in fragile states & situations. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Paris: OECD, 2007. Available at: <https://www.oecd.org/dac/conflict-fragility-resilience/docs/38368714.pdf> (accessed: 15.11.2016); Concepts and dilemmas of state building in fragile situations: From fragility to resilience. OECD Discussion Paper. Paris: OECD, 2008; Supporting state-building in situations of conflict and fragility. Paris: OECD, 2011. Available at: <http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/free/4311031e.pdf>. P. 22 (accessed: 15.11.2016).

⁴ World Development Report 2011: Conflict, security, and development // World Bank. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTWDRS/Resources/WDR2011_Full_Text.pdf (accessed: 23.08.2016).

лучившее широкое распространение и практически (за редкими исключениями [Wolfers, 1952]) не подвергавшееся сомнению вплоть до конца 1960-х — начала 1970-х годов, — подразумевает состояние защищенности жизненно важных интересов национального государства от внешних угроз *военного* характера⁵. Данное понятие довольно близко соприкасалось с терминами «оборона» и «мир», которые к тому моменту уже прочно закрепились в политическом лексиконе. Ученые в большинстве своем исходили из того, что безопасность — это такое состояние, поддержание которого повышает шансы на обеспечение мира (в первую очередь «негативного», понимаемого как отсутствие вооруженного насилия, если пользоваться терминологией, предложенной Й. Галтунгом [Galtung, 1969]) и снижает потребность в задействовании военных мер парирования угроз, т.е. в осуществлении обороны собственной территории. В соответствии с таким традиционалистским подходом структурой, играющей основополагающую роль в обеспечении национальной безопасности, во всех без исключения государствах считалось министерство обороны, документы которого изначально были насыщены в первую очередь милитаристскими терминами, такими как «оборона», «конфликт», «противник/враг», «угроза», «вооруженные силы», «военная сила» и др. С течением времени, особенно после окончания глобального противостояния «холодной войны», которое дало возможность абстрагироваться от дилемм ядерного и конвенционального сдерживания и конфликтов низкой интенсивности с участием дружественных «сверхдержав» сил, лексикон военных претерпел существенные изменения. В него были инкорпорированы термины, обозначающие нетрадиционные угрозы безопасности, так или иначе сопряженные с применением вооруженного насилия («терроризм», «организованная преступность», «экстремизм»), и соответственно методы борьбы с ними («конттерроризм», «контрповстанческая деятельность», «операции по стабилизации обстановки» (*stability operations*) и т.п.). Подобное расширение словаря отражало существенное изменение представлений об императивах обеспечения безопасности, а также о миссии вооруженных сил в постбиполярную эпоху, однако по-прежнему лежало в русле парадигмы «жесткой безопасности» (*hard security*).

«Развитие» в свою очередь изначально концептуализировалось как решение социально-экономических проблем развивающихся стран, преодоление их отсталости. В первые послевоенные годы

⁵ Подробнее об эволюции подходов к безопасности см.: [Baldwin, 1997; Buzan, Hansen, 2009].

ученые и политики государств Запада, впоследствии сформировавших КСР ОЭСР, делали акцент на содействии экономическому росту «третьего мира», в 1970-е годы — на удовлетворении «базовых нужд» населения в развивающихся странах и борьбе с бедностью, в 1980-е — на проведении рыночных реформ в рамках программ структурной адаптации [Глазунова, 2013, 2014]. Сразу после окончания «холодной войны» в фокусе внимания оказались проблемы человеческого развития (включая искоренение бедности, обеспечение доступа к образованию, здравоохранению, санитарии и т.д.), сформировавшие в итоге повестку СМР на 2000–2015 гг., стержнем которой стало достижение восьми Целей развития тысячелетия. Однако в течение всей второй половины XX в. проблемы предотвращения конфликтов, их урегулирования, противодействия угрозам безопасности с помощью инструментов СМР находились за пределами девелопменталистского дискурса [Бартенев, 2015: 79].

Другими словами, лексикон девелопменталистов в течение почти полувека был чужд терминам, относившимся к области обеспечения безопасности (в ее традиционалистском понимании). Точно так же и лексикон представителей структур, ответственных за безопасность, не содержал концептов, привычных для специалистов в области СМР, начиная с самого понятия «содействие развитию» и заканчивая более специфическими лексемами из финансово-экономической, политико-социальной, наконец, экологической сфер, которые обозначали либо проблемы развития («бедность», «голод», «безработица», «неравенство» и др.), либо методы преодоления этих вызовов («экономический рост», «инвестиции», «рыночные реформы» и др.) **Исходя из этого, мы предлагаем рассматривать в качестве признака закрепления парадигмы связки «безопасность — развитие» в официальном дискурсе государств-доноров проникновение терминов из одной сферы (например, безопасности) в документы, обозначающие приоритеты в другой сфере (например, развития).**

При этом крайне важно отслеживать во временном континууме факты появления существенных изменений в языке документов, инкорпорирования новых терминов, характерных для дискурса «связки». Применение простейших методов контент-анализа (расчета встречаемости того или иного слова) гипотетически позволяет не только зафиксировать сам факт подобного рода изменений, но и количественно измерить их интенсивность. Например, резкое увеличение числа употреблений ранее нехарактерных понятий само по себе будет служить ярким свидетельством эволюции концептуальных установок, которыми руководствуются составители тех или иных текстов.

Необходимость решения поставленных исследовательских задач в динамике, таким образом, требует привлечения большого массива документов, что позволит отследить процесс трансформации на достаточно протяженном временном промежутке, чтобы отделить подлинно значимые изменения от случайных флуктуаций и aberrаций. Принимая во внимание общую логику эволюции подходов к проблемам взаимозависимости безопасности и развития, неоднократно описанную в научной литературе [New interfaces between security and development, 2006; Security and development, 2010], мы считаем целесообразным исследовать документы, принимавшиеся ключевыми государствами-донорами с окончания «холодной войны» и краха биполярного миропорядка до сегодняшнего дня и, следовательно, покрывающие период продолжительностью более четверти века.

Обозначенные в настоящем разделе методологические допущения, с нашей точки зрения, дают возможность вырваться из тупика, в котором оказались исследования, посвященные «связке», и который достаточно наглядно был описан на страницах этого журнала Н.В. Юдиным [Юдин, 2016]. Для того чтобы высказанные гипотезы перестали носить чисто умозрительный характер, требуется их приложение к реалиям международных отношений XX — начала XXI в. Следующим шагом должно стать определение единиц анализа (официальных документов) и единиц кодирования (ключевых слов), наиболее рельефно раскрывающих суть феномена «связки».

* * *

Самые общие принципы деятельности в сферах безопасности и развития обозначаются в документах стратегического планирования, разрабатываемых на общегосударственном уровне в рамках целеполагания. Наиболее ярким примером такого рода документов служат стратегии национальной безопасности и их аналоги, в различных странах называющиеся по-разному⁶. Эти документы составляются высшими органами управления в рамках исполнительной власти — специализированными структурами либо в администрации президента (в государствах с президентской или смешанной формами правления), такими как, например, Совет безопасности, либо в аппарате правительства (в государствах с парламентской формой правления).

Стратегии национальной безопасности могут иметь четко установленный временной горизонт (например, в США он в течение

⁶ В США, Великобритании, Российской Федерации — Стратегия национальной безопасности, во Франции — Белая книга по вопросам обороны и национальной безопасности и т.д.

последней четверти века увязан с электоральным циклом и составляет около 4 лет, хотя по законодательству такой документ необходимо принимать каждый год), но могут существовать неопределенный срок и обновляться достаточно нерегулярно — в зависимости от изменений во внешней среде (так, в 2009 г., в период президентства Д.А. Медведева, была принята Стратегия национальной безопасности РФ на период до 2020 г.⁷, которая, однако, была пересмотрена значительно раньше — в декабре 2015 г. — в связи с событиями на Украине и резким ухудшением взаимоотношений между Россией и Западом⁸). Однако независимо от подходов к разработке стратегий национальной безопасности они в абсолютном большинстве стран занимают верхнюю строчку в рейтинге документов стратегического планирования, венчая их пирамидальную иерархическую систему.

Подчиненную по отношению к ним и их аналогам роль занимают документы стратегического характера, разрабатываемые под эгидой отдельных министерств и ведомств.

Вопросами обеспечения «внешней» безопасности, которые касаются деятельности государства по борьбе с военными и невоенными угрозами его жизненно важным интересам, формируются и проявляют себя за пределами его территориальных границ, непосредственно занимается весьма ограниченный круг ведомств. Основную роль играют министерства обороны и иностранных дел. Каждое из них отвечает за подготовку ряда доктринальных документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания (в редких случаях — также и прогнозирования), число, содержание, структура и функции которых довольно существенно различаются между странами.

Что касается вопросов содействия международному развитию, то регулирование деятельности в данной сфере определяется в первую очередь специфическими особенностями систем управления СМР, также отличающихся довольно высокой степенью вариативности. Пожалуй, наибольшее распространение в мире получила такая конфигурация, в рамках которой за взаимодействие с многосторонними организациями (специализированными учреждениями и фондами ООН, Бреттон-Вудскими институтами и др.) отвечают преимущественно министерства финансов, а оказание помощи по

⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 10.06.2016).

⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html> (дата обращения: 10.06.2016).

двусторонним каналам координируют министерство иностранных дел и агентство по международному развитию (АМР). Последнее может обладать различной степенью автономии, а в отдельных странах, в частности в Великобритании, и вовсе в конечном счете получить статус полноценного министерства (Министерство международного развития — ММР; Department for International Development — DfID)⁹. Почти всегда довольно значительная часть проектов (в первую очередь в форме технической помощи) в соответствующих сферах может реализовываться отраслевыми министерствами (например, сельского хозяйства или энергетики). Вместе с тем для данных акторов деятельность в сфере СМР носит скорее технический характер и имеет периферийное значение по отношению к их основной миссии, в то время как для агентств (министерств) по развитию или министерств иностранных дел она является основной или одной из приоритетных. Количество документов МИД и АМР (ММР), затрагивающих вопросы СМР, естественно, не сопоставимо. В случае с МИД данная проблематика преимущественно освещается в рамках отдельного раздела (разделов) внутри документов общего характера, касающихся обеспечения национальных интересов в широком смысле этого слова. В случае с АМР (ММР), по сути, все без исключения официальные тексты гипотетически могут представлять интерес, что актуализирует проблему обеспечения репрезентативной выборки. С нашей точки зрения, в нее должны обязательно попасть: 1) документы общего характера, определяющие стратегические приоритеты АМР (ММР) на долгосрочный период или его планы на среднесрочную перспективу (обычно на период не более 5 лет); 2) документы по определенной тематике, прежде всего по сюжетам, лежащим на стыке политики, экономики и безопасности; 3) рекомендации (инструкции) для сотрудников АМР (ММР) относительно реализации того или иного типа программ и проектов. Безусловно, наиболее значимыми будут установки, заложенные в документы первого типа, однако степень их операционализации можно оценить, только спустившись на уровень ниже и проработав тексты более технического характера.

Следует отметить, что с определенного момента — в конце XX — начале XXI в., в первую очередь в связи с расширением масштабов деятельности в сфере миротворчества, миростроительства и постконфликтного восстановления, к деятельности в области СМР все чаще и во все больших объемах стали подключаться и военные¹⁰.

⁹ Подробнее см: Managing aid: Practices of DAC member countries. OECD. Paris: OECD, 2009.

¹⁰ Подробнее об этом см: [Patrick, Brown, 2007b].

В XXI в. без преувеличения можно говорить о том, что «большой тройкой» ведомств, чья позиция оказывает наибольшее влияние на характер операционализации парадигмы связки «безопасность — развитие», являются министерство иностранных дел, агентство (или министерство) содействия международному развитию и министерство обороны. Следует отметить, что помимо документов стратегического планирования, разрабатываемых под эгидой военного ведомства, важнейшее значение имеют тексты, подготавливаемые органами управления вооруженных сил, в первую очередь Генеральным штабом (или, например, Комитетом начальников штабов — в случае с США), и соответствующими структурами на уровне отдельных их видов. Наибольший интерес среди этих документов представляют разнообразные наставления, в которых раскрываются вполне прикладные вопросы применения вооруженных сил за рубежом, в том числе сложные, но весьма значимые проблемы гражданско-военного взаимодействия [Степанова, 2001].

Наконец, необходимо, на наш взгляд, уделять особое внимание анализу документов, разрабатываемых совместно несколькими ведомствами (двумя или тремя). Именно такое согласование приоритетов и форм взаимодействия служит наиболее зримым подтверждением закрепления логики холистического/интегрального/общеправительственного подхода к проблемам, лежащим на стыке безопасности и развития, о котором с середины 2000-х годов говорят все ведущие доноры и внедрение которого провозглашается одним из важнейших приоритетов их деятельности на современном этапе [Patrick, Brown, 2007a; Stepputat, Greenwood, 2013]. Отдельный интерес, с нашей точки зрения, может представлять сопоставление документов, разработанных, например, тандемом МИД и АМР (ММР) (достаточно распространенная в странах Запада практика), с более редкими и оттого еще более показательными документами, подготовленными совместно АМР (ММР) и военными.

Определившись с единицами анализа, мы можем обозначить основы подхода к выявлению единиц кодирования. По нашему мнению, отследить закрепление парадигмы связки «безопасность — развитие» в официальном дискурсе государств-доноров через анализ взаимопроникновения терминов из соответствующих сфер можно посредством решения трех взаимосвязанных задач:

- 1) поиска элементов традиционного девелопменталистского дискурса в стратегиях национальной безопасности, а также в документах, составляемых министерствами обороны и высшими органами управления вооруженными силами государств-доноров;

2) идентификации категорий, свойственных традиционному дискурсу по проблемам безопасности и обороны, в документах, составляемых АМР (ММР);

3) отслеживания терминов, априорно определенных в качестве специфичных для дискурса «связки», во всех рассматриваемых типах официальных документов.

Предварительные списки ключевых слов, которые могут отслеживаться соответственно в общеправительственных и совместных (межведомственных) теквстах, а также в официальных документах, подготовленных под эгидой министерства обороны/вооруженных сил и АМР (ММР), представлены в табл. 2.

Таблица 2

Список англоязычных ключевых слов, отобранных для проведения контент-анализа официальных документов ведущих государств-доноров¹¹

Термины из области безопасности, отслеживаемые в документах по проблемам содействия развитию	Термины из области СМР, отслеживаемые в документах по проблемам безопасности	Термины, отслеживаемые во всех документах
Security	Development	Failed State
Conflict	Economy	Fragility
Crisis	Transition	Reconstruction
Defense	Governance	Peacebuilding
Peace	Rule of law	Security sector reform
Military	Food	Interagency
Violence	Water (security)	Integrated
Terrorism	Poverty	Comprehensive approach
Extremism	Hunger	Whole-of-government
Instability	Famine	Civil-military
Insurgency	Environmental	
Threat	Migration	
Weapon	Drug	
Stabilization	Disease	
Stability operations	Crime	

¹¹ Составлен на основе анализа массива соответствующих научных исследований.

Термины из области безопасности, отслеживаемые в документах по проблемам содействия развитию	Термины из области СМР, отслеживаемые в документах по проблемам безопасности	Термины, отслеживаемые во всех документах
Counterinsurgency	Democracy	
Counterterrorism	Assistance	
	Aid	
	Climate	
	Human (-itarian)	
	Resilience	

При анализе официальных документов на предмет упоминаний в них данных терминов следует помнить об ограничениях, которые неизбежно возникают при оперировании «абсолютными» показателями встречаемости понятий. В частности, крайне важно учитывать разницу в объеме текстов, что легко можно сделать с помощью специализированных программных продуктов.

* * *

Предложенный в данной статье подход к исследованию связки «безопасность — развитие» с применением инструментария контент-анализа не претендует на то, чтобы охватить все нюансы этого сложного явления. Вместе с тем, с нашей точки зрения, он позволяет преодолеть характерные для разработанных ранее методик некоторые ограничения, грозящие существенным искажением формата отражения данного феномена в языке официальных документов государств-доноров.

Пожалуй, главным достоинством представленного подхода является то, что он способен в полной мере передать дуалистичную природу «связки», двунаправленный характер составляющих ее взаимосвязей — «от безопасности к развитию» и «от развития к безопасности». Подлинно неразрывная «связка» может сформироваться лишь в том случае, если происходит взаимообмен концепциями между ведомствами, ответственными за обеспечение безопасности (в узком смысле этого слова) и содействие развитию; предложенная методика позволяет зафиксировать наличие или отсутствие такого взаимообмена.

В то же время она дает возможность более объективно сравнивать готовность различных ведомств к холистическому восприятию своей функциональной деятельности. Помимо составления

списков терминов из области безопасности и содействия развитию, отслеживаемых в документах ведомств, которые занимаются соответственно СМР и обеспечением безопасности, она позволяет сопоставить степень абсорбции этими структурами отдельных понятий, формирующих облако «связки».

Обозначение таких категорий, как первичные и вторичные признаки «связки», достаточно рельефно демонстрирует условность любых попыток составить с помощью контент-анализа некое уравнение для «некса» и с математической точностью определить, что следует считать индикатором инкорпорирования данной парадигмы в дискурс, а что нет. В конечном счете распознавание «связки» остается интеллектуальным упражнением, сопряженным с крайне высокой степенью субъективизма. Выбор вторичных признаков данного феномена является волюнтаристским и отражает специфику понимания его исследователем, а не представителями структур, которые генерируют этот дискурс и могут интерпретировать рассматриваемые сюжеты совершенно иначе.

Контент-анализ не позволяет добиться подлинно объективной оценки «связки», независимо от того, будет он производиться вручную или с помощью самого продвинутого программного обеспечения. Вместе с тем даже простой тематический анализ содержания документов существенно расширяет возможности для подкрепления релевантными проверяемыми данными зачастую голословных утверждений о том, что есть «связка» для того или иного донора, для проведения столь нужных межстрановых сопоставлений. Представляется, что потенциал описанной методики исследования искомого феномена может возрасти многократно — при условии дополнения тематического анализа установлением семантических связей между отдельными единицами текста, а также дополнения количественных методов анализа качественными. В любом случае проверить это можно, только применив представленную методологию к изучению конкретного эмпирического материала, что и будет осуществлено нами в следующей статье из данной серии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97.

2. Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 126–146.

3. Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: современный дискурс // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 3–33.
4. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М.: Права человека, 2001.
5. Юдин Н.В. Связка «безопасность — развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–71.
6. Back to the roots: Security sector reform and development / Ed. by A. Schnabel, V. Farr. Zürich: Lit Verlag, 2012.
7. Baldwin D. The concept of security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. P. 5–26.
8. Beall J., Goodfellow T., Putzel J. Policy arena: Introductory article: On the discourse of terrorism, security, and development // Journal of International Development. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 51–67. DOI: 10.1002/jid.1262.
9. Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. Duffield M. Getting savages to fight barbarians: Development, security, and the colonial present // Conflict, Security, and Development. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 141–159. DOI: 10.1080/14678800500170068.
11. Duffield M. The liberal way of development and the development-security impasse: Exploring the global life — chance divide // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 53–76. DOI: 10.1177/0967010609357042.
12. Franke V. The peacebuilding dilemma: Civil-military cooperation in stability operations // International Journal of Peace Studies. 2006. Vol. 11. No. 2. P. 5–25.
13. Galtung J. Violence, peace, and peace research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301.
14. Gruiters J. Human security and development: An ambivalent relationship // Security and Human Rights. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 54–63. DOI: 10.1163/1875023087840485.
15. Hettne B. Development and security: Origins and future // Security Dialogue. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040.
16. Hurwitz A., Peake G. Strengthening the security-development nexus: Assessing international policy and practice since the 1990s. New York: International Peace Academy, 2004. Available at: http://www.un.org/esa/peacebuilding/Library/Strengthening_SecDev_Nexus_IPA.pdf (accessed: 27.08.2015).
17. Leboeuf A. Sécurité et développement: Acteurs et consensus // Afrique contemporaine. 2006. No. 2. P. 69–83.
18. McConnon E. Security for all, development for some? The incorporation of security in UK's development policy // Journal of International Development. 2014. Vol. 26. No. 8. P. 1127–1148. DOI: 10.1002/jid.3011.
19. McConnon E. The security-development nexus as risk management: A multiple-donor case study of the coordination of security and development in US, UK, and Canadian policy. Dissertation Submitted for the Award of PhD to Dublin City University, 2015.

20. New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches / Ed. by S. Klingebiel. Bonn: German Development Institute, 2006.
21. Patrick S. Weak states and global threats: Fact or fiction? // *Washington Quarterly*. 2006. Vol. 29. No. 2. P. 27–53.
22. Patrick S., Brown K. Greater than the sum of its parts. Assessing the whole-of-government approaches to fragile states. New York: International Peace Academy, 2007.
23. Patrick S., Brown K. The Pentagon and global development: Making sense of the DOD's expanding role. Working Paper No. 131. Washington, D.C.: Center for Global Development, 2007.
24. Pospisil J., Kühn F.P. The resilient state: New regulatory modes in international approaches to state-building // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 1. P. 1–16. DOI: [dx.doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637](https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637).
25. Reid-Henry S. Spaces of security and development: An alternative mapping of the security-development nexus // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 97–104. DOI: [10.1177/0967010610393552](https://doi.org/10.1177/0967010610393552).
26. Rotberg R.I. Failed states, collapsed states, weak states: Causes and indicators // *State failure and state weakness in a time of terror* / Ed. by R. Rotberg. Cambridge, Mass.: World Peace Foundation, 2003. P. 1–25.
27. Rotberg R.I. The new nature of nation-state failure // *Washington Quarterly*. 2002. Vol. 25. No. 3. P. 85–96.
28. Saliba-Couture Ch. Les liens entre sécurité et développement: De l'évidence à l'ambiguïté. Paris: L'Harmattan, 2012.
29. Security and development: Searching for critical connections / Ed. by N. Tschirgi, M.S. Lund, F. Mancini Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010.
30. Sedra M. Transitioning from first to second generation security sector reform in conflict-affected countries // *Handbook of international security and development* / Ed. by P. Jackson. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. P. 165–180. DOI: [10.4337/9781781955536.00018](https://doi.org/10.4337/9781781955536.00018).
31. Spear J., Williams P. Security and development in global politics: A critical comparison. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2012.
32. Stepputat F., Greenwood L. Whole-of-government approaches to fragile states and situations. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2013.
33. Stern M., Ojendal J. Mapping the security-development nexus: Conflict, complexity, cacophony, convergence? // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 5–29. DOI: [10.1177/0967010609357041](https://doi.org/10.1177/0967010609357041).
34. Tschirgi N. Security and development policies: Untangling the relationship // *New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches* / Ed. by S. Klingebiel. Bonn: German Development Institute, 2006. P. 39–68.
35. Wolfers A. 'National security' as an ambiguous symbol // *Political Science Quarterly*. 1952. Vol. 67. No. 4. P. 481–502.

TRACKING SECURITY — DEVELOPMENT NEXUS IN THE OFFICIAL DOCUMENTS OF BILATERAL DONORS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK OF CONTENT ANALYSIS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper continues a series of publications on theoretical aspects of security-development nexus. Drawing on the idea of context-oriented approach to conceptualizing the nexus, it formulates the basics of a novel methodology of tracking the ‘nexus’ in an official discourse of key bilateral donors using quantitative content analysis. The uniqueness of this approach consists in composing disjoint sets of keywords for different type of documents depending on the issuing agency. The paper makes an argument that the nexus can be identified by a number of secondary attributes. The key task is to assess the extent to which the unconventional terms (alien to the traditionalist discourse on security and development) are being used in the documents issued by development agencies (ministries) and defense ministries (and chiefs of staff) respectively. Additional task is to assess the extent to which certain terms considered to be characteristic of the ‘nexus’ paradigm are being incorporated in the official documents developed by the government as a whole or by separate agencies — alone or jointly with other bodies. The proposed methodology allows to account for a dualistic nature of the ‘nexus’ and a bidirectional character of its constitutive linkages, on the one hand, and make an objective comparison of the various government agencies’ willingness to adopt a more holistic understanding of their own mission. If thematic quantitative analysis is complemented by an identification of semantic linkages between separate text units within the selected documents and by qualitative methods, the dividends of applying content analysis to studying the security-development nexus can increase substantially.

Keywords: security, development, security-development nexus, bilateral donors, international development cooperation, strategic planning, content analysis.

About the author: *Vladimir I. Bartenev* — PhD (History), Associate Professor, Department of International Organizations and World Political Processes, Director of Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation (project № 15-18-30066).

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2015. Svyazka 'bezopasnost — razvitie' v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontekstualizatsii [Security–development nexus in Western bibliography: From deconstruction to contextualization]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 13, no. 3 (42), pp. 78–97. (In Russ.)
2. Glazunova E. 2013. Teoreticheskie aspekty sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: istoricheskaya retrospektiva [Theoretical aspects of international development cooperation: Historical retrospect]. *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 5, no. 2, pp. 126–146. (In Russ.)
3. Glazunova E.N. 2014. Teoreticheskie aspekty sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: sovremenniy diskurs [Theoretical aspects of international development cooperation: Contemporary discourse]. *Moscow University Journal of World Politics*, vol. 6, no. 2, pp. 3–33. (In Russ.)
4. Stepanova E.A. 2001. *Voenno-grazhdanskije otnosheniya v operatsiyakh nevoennogo tipa* [Civil-military relations in non-kinetic operations]. Moscow, Prava cheloveka Publ. (In Russ.)
5. Yudin N.V. 2016. Svyazka 'bezopasnost' — razvitie': problemy teoreticheskogo osmysleniya [Security-development nexus: Dilemmas of conceptualization]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 1, pp. 39–71. (In Russ.)
6. Schnabel A., Farr V. (eds.). 2012. *Back to the roots: Security sector reform and development*. Zürich, Lit Verlag.
7. Baldwin D. 1997. The concept of security. *Review of International Studies*, vol. 23, pp. 5–26.
8. Beall J., Goodfellow T., Putzel J. 2006. Policy arena: Introductory article: On the discourse of terrorism, security, and development. *Journal of International Development*, vol. 18, no. 1, pp. 51–67. DOI: 10.1002/jid.1262.
9. Buzan B., Hansen L. 2009. *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press.
10. Duffield M. 2005. Getting savages to fight barbarians: Development, security, and the colonial present. *Conflict, Security, and Development*, vol. 5, no. 2, pp. 141–159. DOI: 10.1080/14678800500170068.
11. Duffield M. 2010. The liberal way of development and the development-security impasse: Exploring the global life — chance divide. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 53–76. DOI: 10.1177/0967010609357042.
12. Franke V. 2006. The peacebuilding dilemma: Civil-military cooperation in stability operations. *International Journal of Peace Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 5–25.
13. Galtung J. 1969. Violence, peace, and peace research. *Journal of Peace Research*, vol. 6, no. 3, pp. 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301.
14. Grueters J. 2008. Human security and development: An ambivalent relationship. *Security and Human Rights*, vol. 19, no. 1, pp. 54–63. DOI: 10.1163/1875023087840485.
15. Hettne B. 2010. Development and security: Origins and future. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 31–52. DOI: 10.1177/0967010609357040.
16. Hurwitz A., Peake G. 2004. *Strengthening the security-development nexus: Assessing international policy and practice since the 1990s*. New York, International

Peace Academy. Available at: http://www.un.org/esa/peacebuilding/Library/Strengthening_SecDev_Nexus_IPA.pdf (accessed: 27.08.2015).

17. Leboeuf A. 2006. Sécurité et développement: Acteurs et consensus. *Afrique Contemporaine*, no. 2, pp. 69–83.

18. McConnon E.N. 2014. Security for all, development for some? The incorporation of security in UK's development policy. *Journal of International Development*, vol. 26, no. 8, pp. 1127–1148. DOI: 10.1002/jid.3011.

19. McConnon E. 2015. *The security-development nexus as risk management: A multiple-donor case study of the coordination of security and development in US, UK, and Canadian policy*. Dissertation Submitted for the Award of PhD to Dublin City University.

20. Klingebiel S. (ed.). 2006. *New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches*. Bonn, German Development Institute.

21. Patrick S. 2006. Weak states and global threats: Fact or fiction? *Washington Quarterly*, vol. 29, no. 2, pp. 27–53.

22. Patrick S., Brown K. 2007a. *Greater than the sum of its parts. Assessing the whole-of-government approaches to fragile states*. New York, International Peace Academy.

23. Patrick S., Brown K. 2007b. *The Pentagon and global development: Making sense of the DOD's expanding role*. Working Paper No. 131. Washington, D.C., Center for Global Development.

24. Pospisil J., Kühn F.P. 2016. The resilient state: New regulatory modes in international approaches to state-building. *Third World Quarterly*, vol. 37, no. 1, pp. 1–16. DOI: [dx.doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637](https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086637).

25. Reid-Henry S. 2011. Spaces of security and development: An alternative mapping of the security-development nexus. *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 97–104. DOI: 10.1177/0967010610393552.

26. Rotberg R.I. 2003. Failed states, collapsed states, weak states: Causes and indicators. In Rotberg R. (ed.). *State failure and state weakness in a time of terror*. Cambridge, Mass., World Peace Foundation, pp. 1–25.

27. Rotberg R.I. 2002. The new nature of nation-state failure. *Washington Quarterly*, vol. 25, no. 3, pp. 85–96.

28. Saliba-Couture Ch. 2012. *Les liens entre sécurité et développement: De l'évidence à l'ambiguïté*. Paris, L'Harmattan.

29. Tschirgi N., Lund M.S., Mancini F. (eds.). 2010. *Security and development: Searching for critical connections*. Boulder, Lynne Rienner Publishers.

30. Sedra M. 2015. Transitioning from first to second generation security sector reform in conflict-affected countries. In Jackson P. (ed.). *Handbook of international security and development*. Cheltenham, Edward Elgar, pp. 165–180. DOI: 10.4337/9781781955536.00018.

31. Spear J., Williams P. 2012. *Security and development in global politics: A critical comparison*. Washington, D.C., Georgetown University Press.

32. Stepputat F., Greenwood L. 2013. *Whole-of-government approaches to fragile states and situations*. Copenhagen, Danish Institute for International Studies.

33. Stern M., Öjendal J. 2010. Mapping the security-development nexus: Conflict, complexity, cacophony, convergence? *Security Dialogue*, vol. 41, no. 1, pp. 5–29. DOI: 10.1177/0967010609357041.
34. Tschirgi N. 2006. Security and development policies: Untangling the relationship. In Klingebiel S. (ed.). *New interfaces between security and development. Changing concepts and approaches*. Bonn, German Development Institute, pp. 39–68.
35. Wolfers A. 1952. ‘National security’ as an ambiguous symbol. *Political Science Quarterly*, vol. 67, no. 4, pp. 481–502.